

УДК 94(47).084.3

ANDREY VLADISLAVOVICH GANIN

*Doctor of History, Leading Researcher,
Institute of Slavic studies, Russian Academy of Sciences.
119991, Russian Federation, Moscow, Leninsky prospect, 32-A.
E-mail: andrey_ganin@mail.ru*

«Commissar, you are under arrest.**Driver, straight ahead to Kozlovka, directly to the Cossacks»**

The story of the desertion of the assistant commander of the Soviet Southern front
A.L. Nosovich from the Red army

The article is devoted to the history of the desertion of one of the high-ranking Soviet military officials the assistant commander of the Soviet Southern front former general A.L. Nosovich to the Whites in October 1918. Still the circumstances of this case were unknown. Detection in France of a unique personal archive of general Nosovich allowed us to explore this issue in detail. As a result of the escape the Whites received information about the preparation of units of the Red army offensive on the Southern front, and various secret documents. Treason led to the resumption of the debate on the need to involve former officers to the Red army. However, the Whites were unable to adequately assess the attention of Nosovich, were suspicious towards him and almost never used his info.

Keywords: *Russian Civil War, white underground A.L. Nosovich, Southern front.*

АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ ГАНИН

*Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Института славяноведения РАН.
119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
E-mail: andrey_ganin@mail.ru*

Статья посвящена истории побега одного из высокопоставленных советских военных деятелей, помощника командующего советским Южным фронтом бывшего генерала А.Л. Носовича, к белым в октябре 1918 г. До сих пор обстоятельства этого дела известны не были. Обнаружение во Франции уникального личного архива генерала позволило исследовать этот вопрос подробнее. В результате побега белые получили информацию о подготовке частями РККА наступления на Южном фронте, а также различные секретные документы. Измена Носовича привела к возобновлению дискуссии о необходимости привлечения бывших офицеров в Красную армию. Вместе с тем белые не смогли адекватно оценить сведения Носовича, отнеслись к нему с подозрением и практически не воспользовались его информацией.

Ключевые слова: *Гражданская война в России, белое подполье, А.Л. Носович, Южный фронт.*

**«Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед,
в Козловку, прямо к казакам!»**

История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом
А.Л. Носовича из Красной армии

Авторы официальной советской истории Гражданской войны, изданной в 1980 г. [1], уделили целое примечание сообщению о том, что в первых числах ноября 1918 г. к белым перебежал помощник командующего советским Южным фронтом А.Л. Носович (помимо ошибочной датировки в тексте неверно были указаны инициалы перебежчика). Отмечалось, что высокопоставленный перебежчик имел при себе «полную информацию о войсках фронта, их задачах и сроках выполнения. Как впоследствии выяснилось, при нем же находились и документы по скрытому управлению войсками: шифры, коды и т. д.» [1, с. 305]. Об обстоятельствах измены Носовича кратко упоминалось и в некоторых других работах [2, с. 20].

Очевидно, речь шла об экстраординарном событии даже в представлениях советской исторической науки. Но прошло почти четыре десятилетия, а исследователи так и не обратили внимания ни на это событие, ни на его последствия. До сих пор обстоятельства этого дела приводятся различными авторами в искаженном виде [3, с. 147]. Лишь обнаружение нами ряда принципиально новых источников по данной теме в отечественных и зарубежных архивах позволило, наконец, приступить к специальному изучению обстоятельств измены высокопоставленного военспеца и ее последствий. В качестве первого шага проанализируем непосредственно события, связанные с бегством офицера через линию фронта.

17 (30) октября 1918 г. начальник штаба Северного фронта Донской армии генерал В.А. Замбрицкий записал в дневнике: «Здесь интересно разве захват в плен нашим разездом генерала Носовича Генерального штаба, с его адъютантом и комиссаром, причем в захваченной у Носовича папке обнаружены ценнейшие сведения о расположении противника, его резервах и предполагаемых действиях. Носович утверждает, что служба его у большевиков протекала с ведома и одобрения генерала Алексеева (Верховного Главн[командую]щего), но Рытиков¹ ему почему-то не особенно доверяет. Не знаю, так ли это, но это разберут там на месте, в Новочеркаске, куда генерала препроводили под надежной охраной, а пока что Носович очень охотно давал все показания и раскрыл, что называется, все карты большевиков, так что нужно думать, что он и в самом деле служил у них с предвзятой целью, – выудить все необходимые сведения. На эту мысль наводит и его, видимо, во все не случайное пленение: в самом деле, где же это видано, чтобы генерал с важнейшими и секретнейшими сведениями, необходимыми в глубоком тылу, в каком-нибудь крупном штабе и во все излишними на фронте, очутился вдруг впереди линии сторожевых постов и попался так легко в плен?» [4, л. 53 об.–54].

В личном архиве Носовича, хранящемся во Франции, автору этих строк удалось обнаружить несколько редакций подлинных воспоминаний офицера. Разумеется, особое внимание в них уделено его бегству из Красной армии. Как свидетельствовал Носович, весь побег был тщательнейшим образом спланирован [5, гл. 5, с. 121]. По словам перебежчика, комиссаром штаба 8-й армии оказался П.А. Бутенко, которого Носович приучил в критических ситуациях отдавать ему личный «Парабеллум», тогда как штабные спецы оружия не имели. Документы у Носовича хранились в двух портфелях.

Краткая редакция воспоминаний Носовича описывает побег следующим образом (в сносках приведены разночтения с развернутой редакцией): «Двадцать четвертого октября нов[ого] ст[илия] состоялся мой и моего адъютанта, подпоручика Льва Сергеевича Садковского побег. Четвертого мая я был принят на службу в “Совдепию”. Итого пять месяцев и 20 дней вел я напряженнейшую работу чрезвычайной сложности и опасности. Поневоле является сам собою вопрос: почему я не убежал раньше? Вот, что я должен ответить.

Согласно данной мне директивы я должен был работать, проникнув на самые ответственные посты теми способами, которые будут в данный момент подходящи и до тех пор, пока таковая работа будет продуктивна. Означенная директива давала мне полную свободу действий и сообразно обстановке данные для побега вылились в следующие условия: а) продолжать работу, несмотря ни на какую опасность, раз работа продуктивна и дает хорошие результаты. В это же условие входила, конечно, некоторая выдержка для ожидания хороших условий новой работы. В Балашове два раза, а в Козлове раз, эти выжидательные периоды совпадали с по-

дозрениями меня в контрреволюции; б) кроме возможности большой работы побег должен был быть выбран правильно во времени, т. е. тогда, когда я буду наиболее осведомленный о замыслах, планах, сроках и других подробностях, как военной, так и политической жизни. Было бы весьма желательным, чтобы это время совпало с моментом малой возможности плодотворной работы для общей цели; в) факт побега должен внести возможно больше растерянности в среду высшего командования и разложение в среде низшего командования и состава и, конечно, спасти меня от напрасной гибели, если я ее неминуемо вижу или предчувствую; г) последним в случае необходимости пренебрегаемым условием, но необходимо всеми возможными мерами смягченным, являлось требование того, что побег должен возможно менее отразиться на моих оставляемых у большевиков сослуживцах, особенно близких по служебному отношению и ни телом, ни душой не виноватых в моих деяниях.

Вот какие сложные требования предъявляли моя задача “активного саботажа” у наших врагов, условия совместной жизни и диких “совдепских” нравов.

Рассмотрим все три периода. Царицынский период не удовлетворял ни одному из вышеуказанных условий, главным образом, потому, что должен был закончиться моим активным выступлением в тыл царицынской Красной армии.

По приезде в Балашов, т. е. второй период, благодаря тотчас же великолепно сложившейся обстановке: наличию двух спасших меня контрреволюционеров, знакомству со стенограммами, появлению Сытина и немаловажной задаче спасения всего артиллерийского управления, а, главное, верхнему чутью, что работа будет, я тоже полагаю лишним приводить много доказательств к тому, что побег мой необходимо должен был быть отложенным, но, если читатель вспомнит: мое поведение в период подследственности и постоянно ревнивому отношению к подготовкам побега вообще, то, конечно, ему будет ясно, что я скрылся бы в тот самый момент, как почувствовал подлинную опасность и в объяснение многих моих быстрых и верных, часто удивительно правильно принятых решений, я должен сказать следующее: почти ежедневное полное напряжение всей силы нервов, ума и воли в высшей степени обострили все чувства организма и породили еще добавочное чувство – способность, если хотите, предугадывать события и тем самым находить заранее правильный выход из кажется катастрофического положения. Кроме того, мое постоянно энергичное и, даже больше, высокомерное и требовательное отношение к сильным того мира производило большое и лучшее впечатление и давало нужные результаты скорее и вернее, нежели наиболее хитро дипломатическое поведение и действие. Мой характер спортсмена тут пригодился больше, чем наиболее испытанный ум политика. В наличии были кровь и железо, а не только одни хитрые слова.

Последний Козлово-Арзамасский период подходил, по моему мнению, ко всем выше указанным

требованиям. Первое²: уехав от фронта в Козлов, я только почти через месяц мог попасть на таковой и то, де факто, напросившись у Вацетиса и Сытина. Следовательно, моя активная работа сводилась почти к нулю. Да, оно и понятно, напрашивайся я часто, конечно, часто бы и отпускали. Но если эти часто кончались неизменными неудачами? Что бы мне сказал Сытин? Бумажную же работу портить и саботировать у такого знатока и недюжинной энергии человека, можно было лишь перед самым побегом, что я и сделал. Второе: пробыв с 9-го по 17-^е при главкоме Вацетисе, я был наиболее осведомлен, чем когда-либо, и сведения сами по себе были ценнейшими, достовернейшими. Следующее их необходимое качество – своевременность – могло быть достигнуто только при немедленном побеге. Начальник штаба Сев[еро]-Зап[адного] района Донской армии полковник Рытиков знает и не откажет засвидетельствовать, что я употребил все усилия для доставления их ему и в Новочеркасск в возможно скорейший промежуток времени, проехав двое суток без отдыха и днем и ночью на перекладных. То же подтвердит и сопровождавший нас хорунжий Ив. Ив. Белоусов, которому только и твердилось: “Скорей, скорей!” Третье условие: конечно, и Сытин, и Вацетис были убеждены, что если я вынужден буду спасать свою шкуру, то тоже, вероятно, буду все говорить. Низшие же и командование и красноармейцы тотчас вспомнят мои предложения и будут вопить: “Нас продают!” Следовательно, эти два условия тоже подходили. Не противоречило положение и моей личной безопасности, ибо расшифрованная телеграмма не предвещала мне ничего хорошего. Наконец, четвертое: для спасения артиллерийского управления было сделано все возможное. Между 9 и 17-м я снова просил Вацетиса, и он повторил свое приказание освободить их, а, кроме того, телеграфировал Троцкому, еще была надежда и на амнистию 25 октября. Относительно же остающихся в Козлове, то их обеспечение на первое время, хотя бы на месяц, а дальше – имеющие понятие, да поймут, и сами спасаются. Я озаботился инсценированием моего захвата, а не побега. Ниже будет понятно, как это было сделано. Будет понятно, сколь это было опасно для меня. И будет совершенно понятно и ясно, сколько нравственной пытки мне пришлось перенести, и как Божий перст вознаграждал меня за то, что я не забыл тех, кто страдает, и сам решил страдать, но дать им шанс на спасение.

Из вышеприведенных соображений видно, что ни царичинский, ни балашовский периоды не удовлетворяли требованиям для побега. Но Козлово-Арзамасский ясно указывал на необходимость такового. Приехав 19-го в Козлов, я тотчас приказал адъютанту пор. Садковскому готовиться к побегу. Для чего мы отобрали минимальные вещи, т.е. попросту недели на себя две пары белья и рассовали по карманам мелкие принадлежности, а остальные вещи отдали нашей милой стенографистке с указанием, что ими можно пользоваться в случае, если нас убьют на фронте. Мой план был: сначала осмотр частей

Зусмановича, которые готовились против Украины, в виду ожидавшегося разрыва, а, как я предполагал, становились уступом справа и только потом прорываться. Но предложение мне командования VIII армией и все нарастающее угрожающее положение, а, главное, необходимость доставить имевшиеся важнейшие сведения своевременно, заставили прорываться немедленно. Двадцать третьего мы достали из штаба автомобиль с двумя незнакомыми шоферами³. Бензину было лишь на одну поездку, это тоже заставляло торопиться. Осмотрев по карте местность, я решил начать объезд с левого фланга Алексеевского полка с таким расчетом, чтобы прибыть в дер. Анновку к 4-м часам и тут прорываться. План самого прорыва был такой. Так как моя задача была восстановить фронт у ст. Таловой, то я заявил комиссару о необходимости сделать рекогносцировку. При выезде за наше охранение, я и Садковский неожиданными угрозами расстрелом из револьверов должны были заставить шофера ехать к казакам, а комиссара или убить в случае сопротивления или взять в плен. Если бы таковой выезд не удался, то задержаться в окрестностях Анновки настолько, чтобы там явилась необходимость ночевки, а тогда выйти осматривать ночную службу и уйти к казакам. Решено было провести в жизнь один из планов во что бы то ни стало. Оставалось только подготовить выполнение первого, как наиболее удобного. Рано утром приехали в г. Бобров. Нам предстояла еще задача добыть револьверы, ибо ни у меня, ни у Садковского таковых не было, лишь у комиссара был браунинг. На ст. Бобров ко мне в вагон вдруг входит прапорщик моего 466-го Малмыжского полка Мартынов. Тут же я воспользовался своим авторитетом и отобрал под расписку от него казенный наган простого действия, но лишь с пятью патронами. План взять его с собою на предмет будущей службы там, где надлежит служить офицеру⁴, не удался. Он ехал в Лиски. Мы выехали в Хреновую. По дороге я расспрашивал шоферов, нет ли у них оружия? У помощника оказался самовзводный наган, заряженный всеми семью. И здесь я нашел выход. Указав, что мы, может быть, будем вынуждены пробиваться сквозь казаков и только с его места можно стрелять из винтовки, я дал ему винтовку и патроны от охраны вагона, а сам вооружился его наганом. Самая главная часть подготовки была окончена – мы были вооружены. Выбор момента и неожиданность нападения обеспечивала удачу. Шансы ухода на автомобиле росли. Адъютант, юноша 21 года, не мог сдержать своего восторга.

В деревне Тройня пришлось чинить рессору, исправлять камеру. Мы воспользовались временем и пообедали в последний раз с нашими «товарищами» комиссаром и шоферами. Тут я выходил на рекогносцировку целиком так сказать, чтобы совсем одурачить и без того доверчивого комиссара. Красноармейцам мною обещались горы женского белья и одежды, а главное всеми ожидаемая смена и отдых. Сам же я запоминал расположение застав и артиллерии. Следующая деревня Ерохино. Наконец, Анновка, откуда по карте местность наиболее благо-

приятствовала выезду. До обеда у меня с шофером был подготовительный разговор. Прежде всего, я ему показал, что очень-то в нем я не нуждаюсь, ибо умею управляться с маркой "Case". А попутно узнал, что он служил и возил графа Келлера. Тут я ему дал понять, что я, как и граф Келлер, от своего слова не отступлюсь и если что прикажу, то за неисполнение – пуля обеспечена. Подготовивши таким образом шофера, я взял винтовку от помощника и положил под себя, мотивируя, что первый выстрел хочу произвести лично. Помощнику это показалось вполне понятным желанием. Приехав в Анновку, для наиболее легкого прохода охранения я взял батальонного командира, который, будучи предупрежден о нашем прибытии по телефону, охотно сопровождал нас до застав и еще охотнее не поехал вперед на рекогносцировку, хотя для него она была бы наиболее интересной. Поговорив в последний раз с "товарищами" и, малость спровоцировав их обещанием всеми желаемой смены, мы бодро двинулись в путь из "кровавой Совдепии" туда, куда властно звали долг и сердечная печаль по Великой, Единой, Неделимой России.

Теперь явилось две задачи: выехать возможно дальше и справиться с комиссаром, у которого было оружие. Стрелять его исподтишка мне не позволяло мое внутреннее я. Тут я должен представить читателям, кто такой Бутенко как человек и почему его мне было вообще жалко. Я ездил с ним довольно часто и он, разговорившись по душам, сознался, что ни одного смертного приговора и ни одной загубленной человеческой души нет на его совести. Подобные разговоры у комиссаров вообще редки: умные из них молчат, а они единицы. Вся же остальная сволочь только и хвастается количеством выстрелов в упор. Да, попадись мне Поздняков или Грибанов – далеко бы не поехали. Это бы и пришлось сделать, ибо так наивно никто бы из них не обнаружился, это раз, а второе – сопротивление и самое отчаянное было бы неизбежным – они ясно понимали бы, что впереди смерть. Эта предпосылка должна сделать понятными все остальные мои действия по отношению к Бутенко, как бы ни, казалось, грозны могли быть для меня их последствия. Итак мы поехали в направлении к казакам. Я достал блокнот и карандаш, приготовившись якобы к будущей работе. Бедный Бутенко был вне себя от радости. Как же, завтра годовщина октябрьской революции, и он будет виновником подарка – победы: к такому великому дню мы поднесли подарок революции – Таловая будет взята, фронт восстановлен.

Задача завлечения возможно ближе удалась, как нельзя лучше. «Еще вперед вот на тот бугорок. Ну еще на тот – оттуда я все срисую. Ах, какая жалость, что не взяли батальонного, ведь ему наступать!» – все время болтаю я. С адъютантом было условлено, что по моей команде: "Смирно! Слушать мою команду!" или после моего выстрела, он справляется с помощником шофера и, если нужно, то и [с] шофером. Катим дальше. Дорога самая полевая и притом идет параллельно Козловке. Я начинаю бояться, что мы

попадем [на] непроезжую или на целину и поэтому решаю начать действовать лишь по достижении настоящей дороги на Козловку, которая по расспросам у батальонного должна находиться правее. Но вот и желанная дорога на Козловку. Шоферы хотят воротить обратно, но я настаиваю выехать еще на следующий бугор, из-за которого ясно видны две церкви Козловки. Дорога стала прелестной. В одну секунду мы выкатываем на пригорок и останавливаемся для наблюдения. Я решил обезоружить Бутенко. "Вынимайте револьвер!" – повелительно говорю я. "А то из балки могут выскочить казаки". Комиссар послушно вынул свой браунинг⁵. Автомобиль на холостом ходу. Машина стоит на месте. Вдали на главной столбовой дороге Н. Кисляй – Козловка маячит какой-то казачий разъездик. Вижу пор. Садковский вцепился в ручку нагана. И все время поглядывает на меня. "Хотите посмотреть на казаков?" – спрашиваю я Бутенко. "А где? где?" "Да вот вам бинокль. Вон они. Револьвер вам мешает, положите его сюда", – говорю я, указывая на сидение. Доверчивый "товарищ комиссар" кладет свое оружие рядом со мной и начинает смотреть в бинокль. Решительная минута настала! Пор. Садковский вертится на своей скамейке. А я, упоенный удачей, крепко держу оба револьвера в своих руках. И да простит мне мой адъютант за пару минут волнения, которые он пережил, я откинулся на спинку сидения автомобиля и, просто говоря, отдыхал и телом и душой. План удался. Все препятствия преодолены. Последний барьер сзади. Впереди прямая гладкая дорога. Еще минута, маленький сравнительно риск получить залп заставы в лоб, и я у выигрышного столба. Я у своих. Как я ошибался относительно окончания опасностей. Залп заставы, правда, я не получил: рядовые казаки уважают белый флаг и верят очевидной истине. Но на верхах... Я только благодаря Провидению избежал позорного залпа без суда.

Бутенко так и не нашел разъезда, но его заметил трусоватый помощник шофера. "Не пора ли назад. Бензину мало. Поздно, а фонарей нет", – вдруг обращается к комиссару помощник ш[офера]. "Товарищ комиссар, надо ехать обратно", – подтверждает шофер. "Ну хорошо, теперь назад", – отдал последнее свое распоряжение комиссар. Шофер включил мотор, и мы начали поворот...

"Смирно! Слушать мою команду! Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!" – загремел я во всю силу своих легких. Вероятно ни мой вид, сидящего на фордеке автомобиля с револьверами в каждой руке, ни тон, с каким я отдал приказание, ни решимость, написанная на лице, не давали ни малейшего повода к сомнению, что надо ехать к казакам. Шофер обернулся ко мне. Его глаза встретились с моими. Правая его рука поднялась к козырьку и в ответ как эхо без всякого промедления прозвучало: "Слушаюсь, Ваше Превосходительство". Мотор покатился в Козловку. Весь бледный, трясущийся от страха комиссар сразу почувствовал, что здесь шутками не пахнет. "Но товарищ Носович, зачем, но почему", – залепетал Бу-

тенко. “Здесь нет больше товарищей, а есть генерал русской службы. А теперь в Козловку [к] казакам и за постройку единой великой нераздельной России”.

Конечно, просьбы, мольбы отпустить его, ибо он как комиссар будет неминуемо расстрелян. Бутенко вспомнил наши разговоры и правильно попал на мою слабую струну. Действительно, как я уже говорил, он был сравнительно идейный, насколько позволяла его неразвитость и не кровожадный человек. Отпустить его я не мог, ибо он, конечно, рассказал о моем нарочном побеге. Но я взял его в плен. Он не шевельнул пальцем в свою защиту. Я твердо был уверен, что русские уже взятых в плен за только факт пленения не расстреливают. И я дал ему мое честное слово русского офицера, что я гарантирую ему жизнь, ибо я взял его в плен. Будущее покажет, что я, кажется, ошибся.

Теперь уместно будет подробно объяснить, почему я не мог отпустить Б[утенко], даже будь он разидейнейший человек. Всем известно, что большевики жестоко мстили за свои неудачи и кровью платили по таковым векселям. Мой побег мог, и я неминуемо знал, что если мне не удастся инсценировать его как захват меня казаками в плен во время лихой и смелой рекогносцировки, а за такового меня считали на верхах большевизма – при простом побеге будет жестоко отплачен на многих ничем не повинных людях. Вот почему после удачного прорыва моей первой и важнейшей задачей относительно моих сослуживцев было принятие всех необходимых мер для инсценировки побега и таковой же важной, также первой задачей, – доставление имеющихся у меня сведений в высшее командование.

Перед самой Козловкой мы выкинули белый флаг и беспрепятственно въехали в деревню, сразу проскочив заставу. Конечно, обратное нас без хороших залпов не пустили бы, но, когда я спросил офицера и назвал себя как генерала русской службы, то урядник лихо откозырнул и дал провожатого к сотенному командиру. Как только я приехал к сотенному, я тотчас приказал ему отправить двух-трех расторопных казаков по Козловке распространять слух, что разездом захвачен автомобилист красных с помощником командующего Южным фронтом Носовичем, объяснив, что это необходимо по выше приведенным соображениям, а затем рассказал в кратких чертах, как я приехал, кто я такой и почему находился у большевиков.

Доверие я получил полное. И отношение самое милое. Оружие наше я сдал сам и, хотя, когда подошла толпа казаков, то уже настроение стало хуже, но, тем не менее, рядовые казачки верхним чутьем поняли, что так с одним провожатым с тремя револьверами и винтовкой, захваченных к сотенному командиру не препровождают. А батюшка села Козловки хитро улыбался и говорил: “Ну, благослови Вас Боже за вашу трудную работу!” Немедленно мы на автомобиле же выехали в штаб Верхне-донского полка к полковн[ику] Сергеенко, который принял меня замечательно радушно; и принял все меры для скорейшей доставки в штаб участка. На мое счастье моя приобретенная у большевиков осторожность

надоумила взять у полковника расписку о моем добровольном прибытии к казакам. В дальнейшем она сослужила мне большую службу.

Немедленно мы отправились в путь. Две ночи и два дня то на поезде, то на перекладных, и, наконец, мы приехали в Новочеркасск» [6, с. 33–39].

Обстоятельства бегства разведчика проясняются в дневнике генерала В.А. Замбрицкого. 6 (19) ноября 1918 г. в дневнике Замбрицкого появилась следующая запись: «Генерал Носович, захваченный разездом войсками [Г.С.] Рытикова, был предан суду и теперь оправдан. Передают интересные подробности его бегства от красных, что вполне правдоподобно, имея в виду, что Носович – известный спортсмен. Он выехал на автомобиле с комиссаром, своим адъютантом и шофером. Объехав фронт, он предложил комиссару выехать поближе к боевой линии, чтобы лучше ознакомиться с местностью, на которой предполагалось наступать. Комиссар согласился, быть может, из опасения показать себя недостаточно храбрым.

Поехали. Недалеко от Н[ижнего] Кисляя Носович увидел впереди верстах в 1 ½ казаков и вскрикнул: “Куда мы попали! Да ведь это впереди казаки!”

Все стали вглядываться вперед, но автомобиль ходу не убавил. Носович обращается к шоферу и говорит: “Вот что, в случае нападения, Вам нельзя будет обороняться, так как Вы управляете. Дайте-ка револьвер мне. Мне удобнее им действовать”.

Шофер отдал револьвер. Тогда Носович обращается к комиссару и говорит: “Я буду наносить на карту расположение противника, а Вы возьмите бинокль и наблюдайте, смотрите, а то мы, не дай Бог, попадем в плен казакам. На всякий случай дайте-ка мне Ваш револьвер, а то Вам, держа в руках бинокль, неудобно действовать!”

Заполучивши оба револьвера, Носович переменял тон. Передав один револьвер своему адъютанту, он приставил дуло другого к виску комиссара и приказал ему не двигаться с места, а в это время адъютант, нацелившись в шофера, приказал ему ехать прямо к казакам.

Таким-то образом Носович прикатил прямо к казакам. Те, недолго думая, схватили его и хотели тут же расстрелять. Едва-едва удалось уговорить ему отвести себя к офицеру, – казаки не верили, что он генерал...

По приезде в Новочеркасск Носович был предан суду за свою службу у большевиков. Его поместили в арестантскую камеру на общем основании, на голых нарах, кормили обычной арестантской пищей. Носович подал рапорт генералу Денисову, прося для себя соответствующего его чину режима и вежливого обращения конвойных, подписавшись генерал-майором. Денисов ответил, что до оправдания его судом он никакого генерала Носовича не знает, а знает “товарища Носовича”, с которым и обращаются, как то подобает товарищу...» [4, л. 73 об.–74].

Еще одно аналогичное свидетельство оставил полковой товарищ Носовича Б.А. Энгельгардт: «Вместе с комиссаром своей части и преданным своим

адъютантом он выехал якобы на обзор местности на автомобиле. Отъехав на порядочное расстояние от передовых постов, он вынул бинокль и стал рассматривать окрестности, одновременно посоветовав комиссару взять на всякий случай в руки револьвер:

– Тут ведь из-за всякого холма могут выскочить белые черти, – сказал Носович.

Когда комиссар вынул револьвер из кобуры, Носович сказал, что не может разобрать, что виднеется около дальнего хутора, и предложил комиссару посмотреть тоже в бинокль. Едва комиссар положил на колени револьвер и взял в руки переданный ему бинокль, Носович схватил револьвер и, направив его на растерявшегося комиссара, скомандовал шоферу – полный ход вперед. Адъютант уже держал шофера под дулом своего револьвера, и тот беспрекословно повиновался. Через несколько минут они оказались на добровольческой заставе. Носович заявил начальнику заставы, кто он, как он бежал и попросил только не трогать комиссара и шофера, так как они-де, мол, «неплохие парни».

К моему, мало сказать, удивлению он услышал ответ:

– Мы вас всех четверых мерзавцев, предателей родины, сейчас поставим к стенке...

Все эти подробности я слышал от Носовича, после того, как он, не без труда добившись своей отправки в Ростов, прошел через комиссию и только благодаря свидетельству французского офицера, который содействовал ему в Москве (или в Петрограде), был выпущен из-под ареста и реабилитирован» [7, с. 217].

Бегство Носовича продемонстрировало серьезные неполадки у белых. Судя по всему, казачье командование заинтересовала не столько оперативная информация Носовича (деловая встреча была только в штабе Северо-Западного района), сколько угнанный им автомобиль. За машину разгорелась нешуточная борьба, приведшая к скандальному разбирательству. Документы по этому вопросу сохранились в дневнике генерала В.А. Замбржицкого.

21 октября (3 ноября) 1918 г. начальник штаба Северного фронта Донской армии Замбржицкий телеграфировал временно исполняющему должность командующего войсками Северо-Западного района Генштаба полковнику Г.С. Рытикову: «По дошедшим до меня сведениям генерал Носович приехал к Вам на собственном автомобиле и со своими шоферами, тогда как Вами об автомобиле ничего не доносилось. Прошу дать по этому поводу подробные объяснения, а захваченный автомобиль немедленно направить в Вешенскую для направления его завтра за комвойском. Об исполнении телеграфируйте. Никакой отговорки о невозможности прислать автомобиль не приму. 746к» [4, л. 62]. Ответ пришел следующий: «746к. Согласно имеющегося у меня донесения командира В[ерхне-]Донского полка генерал Носович был захвачен нашим разъездом, следовательно, автомобиль, в котором он ехал, я не могу рассматривать как собственный генерала Носовича. Генерал Носович является военнопленным, а автомобиль –

трофеем. Практика показала, что трофеи, взятые войсками С[еверо]-З[ападного] района в боях, до сих пор систематически у нас отбирались, в ущерб интересам войск, кои, прежде всего, имеют на это право. Последние соображения меня удержали от необходимости доносить о таком пустяке, как автомобиль. Последнее время я озабочен доведением личного состава и имущества до штаба штаба района. По штату положены автомобили; на неоднократные мои просьбы дать мне легковую машину мне и Вы и Новочеркасск отказали за неимением таковых, значит, если бы Вы или Новочеркасск имели машины, то дали бы мне одну. Теперь я имею машину и вопрос о высылке из Новочеркасска или Вешенской отпадает. Вам удобнее взять исправный автомобиль у генерала [А.К.] Гусельщикова, которому он не положен, а мой автомобиль не имеет покрышек и камер на передних колесах, и я командировал в Киев офицера за покупкой на 12 тысяч камер и покрышек. Наконец, хозяином автомобиля является генерал [З.А.] Алферов, который, несомненно, не согласится лишиться свой штаб автомобиля. № 1025. Калач. Полковник Рытиков» [4, л. 62–62об.].

На это возмущенный Замбржицкий телеграфировал: «1025. Ваша ссылка на хозяина мне непонятна. Никаких хозяев захваченного имущества нет и быть не может. Распоряжается захваченным имуществом командующий войсками, и как таковой я Вам приказал автомобиль прислать в штаб фронта. Ваши расходы на покупку шин и прочее будут возмещены. Не создавайте излишней переписки и вышлите автомобиль, как то Вам было приказано, тем более, что для Вас лишиться такого пустяка не представит большого ущерба. У генерала Гусельщикова Вы можете взять автомобиль, если он Вам нужен. Это последнее мое приказание, и повторять его я не буду. Обращение же Ваше в копии генералу Алферову считаю неуместным, что и ставлю Вам на вид. 753к. Ген[ерал]-майор З[амбржицкий]» [4, л. 62 об.].

В свою очередь, Рытиков сообщил: «Вешенская. Генералу Замбржицкому, копия Еланская генералу Алферову. 753к. Захваченный разъездом В[ерхне-]Донского полка легковой автомобиль, как трофей, приказом войскам Северо-западного района от 18 сего октября № 15 внесен в опись штатного имущества вверенного мне штаба. Выслать Вам машину не могу и прошу передать этот вопрос на рассмотрение суда. 1029. Калач. 21 октября 18 час. Вр.и.д. командующий войсками Северо-Западного района полковник Рытиков» [4, л. 62 об.–63].

Тучи над штабом Рытикова начали сгущаться, информация дошла до командования Донской армии: «Полковнику Рытикову, копия Новочеркасск генералу Полякову. 21 октября. Из Ваших телеграмм номера 1029 и 1028 я усматриваю, что Вами совершенно не взвешивается то обстоятельство, что я сейчас исполняю должность командующего фронтом и потому пользуюсь всей властью такового. Кроме того, что Вы пользуетесь такими выражениями, как “выгоню”, Вы еще и допускаете ультимативный тон, что, безусловно, недопустимо в официальной переписке, а тем

более с начальником, которому Вы непосредственно подчинены. За допущение резких выражений и за ультимативный тон, допущенный Вами в официальной переписке, объявляю Вам строгий выговор. Добавляю, что все свои распоряжения я довожу до конца, поэтому еще раз приказываю немедленно доставить автомобиль в штаб фронта, в противном случае я вынужден буду отдать Вас под суд за неисполнение приказа. Повторяю, что все трофеи, взятые у противника, не составляют собственность частей, их захвативших. Право распределения захваченного имущества принадлежит Высшим властям, а не местным, как то допустили Вы, занесши в опись имущества Вашего штаба автомобиль, отбитый у противника, не получив на это разрешения от меня. 764к. Ген[ерал]-майор З[амбржи]цкий» [4, л. 63].

В ответ Рытиков сбавил тон: «764 к. Генералу Замбржицкому, копия Новочеркасск наштарм. Автомобиль не имеет камер и покрышек, гужем доставить его [в] Вешенскую положительно невозможно. Принципиальное Ваше требование отдать Вам находящуюся у меня единственную машину под страхом ответственности по суду не считаю актом закономерным. Прошу разрешения обжаловать командующему армией. № 1035. Полк. Рытиков» [4, л. 63 об.]. В качестве комментария к этой телеграмме Замбржицкий пометил в дневнике: «Бедняга Рытиков получил нахлобучку» [4, л. 63 об.].

Армейское командование поддержало Замбржицкого, действовавшего в общих интересах: «Наштасев генералу З[амбржи]цкому. № 764. На Вашей телеграмме командарм положил резолюцию: “Совершенно согласен”. На телеграмме же полковника Рытикова № 1035 командармом положена резолюция: “Никакие обжалования на законные приказания начальства не допустимы”. 02856 Ген[ерал]-майор [И.А.] Поляков» [4, л. 63 об.].

Замбржицкий информировал Рытикова о реакции начальства: «1035. Сообщаю для сведения копию телеграммы генерала Полякова, из которой Вы увидите, что разрешить обжалование моих распоряжений относительно присылки захваченного Вами автомобиля не могу, так как штармдоном эти распоряжения признаны принципиально правильными. Ваше же ходатайство на обжалование штармдон признан незаконным. Что касается автомобиля, то я разрешаю временно оставить его при штабе впредь до доставки его в Вешенскую моими средствами. Я имею в виду послать Вам машину более легкого типа, так как у Вас, во-первых, есть железная дорога от Калача до Таловой, а, во-вторых, нам приходится иметь дело с такими отдаленными пунктами, как Филоново, Калач, Чертково. За неимением сильной машины комвойск до сих пор не имеет возможности посетить Калач и Филоново. Вот почему я так настойчиво требовал от Вас присылки машины. Имейте в виду, что нужды штабов районов никогда мной не забываются, и если я своими распоряжениями о присылке автомобиля лишил Ваш штаб некоторых удобств, то мной имелись в виду исключительно общие интересы войск, каковым должны служить интересы частные.

Вам, как офицеру Генштаба и вр.и.д. комвойск надо подавать пример разумной исполнительности и не создавать излишней переписки и трений по поводу распоряжений и приказаний высшего штаба. Несомненно, что в будущем подобные отношения могут повредить Вам в дальнейшем продвижении по службе. Копия телеграммы генерала Полякова при сем прилагается. 799к. Ген[ерал]-майор З[амбржи]цкий» [4, л. 64 об.–65].

Ответ Рытикова был следующим: «Вешенская. Генералу З[амбржи]цкому. 799к. С тяжелым чувством прочитал Вашу депешу. Если бы знал, что Вы мне даете машину более легкого типа, я не стал бы отстаивать захваченную с генералом Носовичем. Мне неприятно, что вопрос об автомобиле роковым образом повлиял на дальнейшее мое продвижение по службе и низвел сумму принесенной мною пользы на фронте лично для меня к нулю. 1047. Калач. Полк. Рытиков» [4, л. 65].

К 25 октября (7 ноября) 1918 г. инцидент был исчерпан, тогда Замбржицкий и Рытиков провели переговоры по аппарату и помирились. Запись разговора сохранилась:

«[Замбржицкий:] Теперь хочу с Вами поговорить по поводу нашей с Вами переписки. Вы сами понимаете, что при личном разговоре можно многое сказать, но в официальной бумаге, которая проходит через служебные инстанции, каждое слово должно быть взвешено, иначе оно несет за собой нежелательные последствия. Поверьте, что мне очень неприятно было Вам писать такие бумаги, но я по долгу службы обязан был указать Вам на незаконность Ваших действий. Отдавая Вам должное, как отличному военному руководителю, я не мог не отметить некоторых качеств Вашего характера, которые вызывают совершенно не нужные служебные трения. Если бы Вы не послали в копии телеграммы генералу [И.А.] Полякову⁶, я бы ограничился только перепиской между нами, между тем, Вы сами вынудили меня в объяснение моих действий ориентировать генерала Полякова по поводу возникшей переписки, причем как Вы видите, ни командарм, ни генерал Поляков, ни генерал [М.М.] Иванов⁷ не стали на Вашу сторону, и это только потому, что они взглянули на дело с точки зрения общей пользы. Я Вас должен предупредить, что своими действиями Вы, сами того не желая, возбуждали в штабе войска нежелательный на Вас взгляд как на неуживчивого человека. Конечно, я не согласен с этим определением; в последнее время я работал в полном контакте с Вами, но, к сожалению, ряд Ваших телеграмм дает некоторое основание к такому мнению. Судите сами, приятно ли Вам, чтобы о Вас сложился такой взгляд. Мне очень приятно сказать Вам хорошие слова, а не такие, которые бы нарушали Ваше душевное настроение в такую тяжелую минуту, когда Вы руководите операциями. Я не изменяю своего взгляда о Вас и прошу Вас верить, что у меня к Вам никакого чувства осадка нет. Вопрос об автомобиле несколько не повлиял на дальнейшее Ваше возможное продвижение по службе. В этом отношении Вы можете быть спокойны, но Вы сами себе можете

напортить, почему я и счел своим долгом, как старший товарищ, предупредить Вас. Вот какой смысл имела моя телеграмма. Что Вы скажете на это?

[Рытиков:] Покорно благодарю Вас за Ваши слова. Во всем приношу Вам свое глубокое извинение. Сказать должно Вам, что, находясь с 1 апреля в боях с большевиками, неся по должности начальника штаба такую ответственность, я действительно, может быть, неуравновешен. Прошу мне это извинить и не ставить в минус. Надеюсь, что я возьму себя в руки и в будущем не позволю себе выходить за пределы корректности. Я знаю, что Новочеркасск меня не любит, не любит, быть может, потому, что генерал Поляков в то время, когда я был начальником штаба армии и пришел в Новочеркасск с казаками 1го апреля, то подполковник Поляков просил у меня дать ему скромную роль по заведованию службой связи. Ну, да что об этом говорить. Повторяю, убежден, что в будущем я постараюсь во всем следовать согласно Ваших указаний...

[Замбрицкий:] Охотно протягиваю Вам руку и считаю вопрос исчерпанным. Повторяю, в Ваших же интересах быть осторожнее, чтобы не навлекать на себя неприятных последствий...» [4, л. 65 об.–66]. Инцидент продемонстрировал как отсутствие у донских офицеров достаточной дисциплины, внутренние конфликты и противоречия, так и беспорядки в сфере снабжения войск, а также дефицит технического имущества.

Побег Носовича был с тревогой встречен советским руководством – измена высокопоставленного военспеца, обладавшего обширными сведениями о состоянии советского Южного фронта, была грозным симптомом. 4 ноября управляющий делами РВС Южного фронта С.А. Баландин телеграфировал Троцкому в Астрахань, а также А.Г. Шляпникову, И.И. Вацетису, Н.И. Подвойскому, К.К. Юреневу, Э.М. Скиянскому: «Сейчас получено [от] реввоенсовета 8 армии след[ующее] донесение: Военкомы 13 дивизии Грачев и Давыдовский сообщили, что помощник командующего Южным фронтом Носович с адъютантом и двумя шоферами переехали в Таловую и перешли на сторону казаков. [В] разведывательном отделении получены сведения, что [в] Таловую приехал генерал, его адъютант, два шофера, очевидно, это и будет Носович. По сведениям разведки, Носович уже принял командование участком фронта со стороны казаков [в] районе Таловой. [С] Носовичем был отправлен комиссар штаба 8 армии, который поехал с ними на автомобиле, судьба последнего пока неизвестна. № 776. 4 ноября. Козлов. Управделами Реввоенсовета Южфронта Баландин» [8, л. 173].

Бегство Носовича к белым в октябре 1918 г. дало возможность прежнему царицынскому руководству заявить о том, что оно было право в своем недоверии к спецам и репрессиях задолго до измены Носовича. 6 ноября в Москву председателю ВЦИК Я.М. Свердлову с копией Троцкому в Астрахань была отправлена следующая телеграмма: «Реввоенсовет восьмой армии сообщил нам, что бывший наш таб Севкавказ Носович перешел на сторону белых. Не только мы, но

и помкомфронт Южн[ого] Славен неоднократно указывали на явную контрреволюционность Носовича, однако обычная невнимательность наших товарищей дала ему возможность и на этот раз ускользнуть от кары и принять командование неприятельскими силами. Мы полагаем, что в настоящий момент необходимо принятие ряда экстренных мер по отношению к ближайшим соратникам Носовича, занимавшим совместно с ним видные посты: генералу Снесареву, освобожденному из-под ареста и командующему западной завесой и в особенности Ковалевскому – начальнику штаба Южного фронта, открыто заявлявшему (что может быть подтверждено Сталиным и Серго Орджоникидзе), что с казаками он не воюет. Совершенно настоятельно необходима и неотложна чистка Южного фронта и замена всех шифров, так как факт беспрепятственного прохождения Носовича не только через нашу линию, но и неприятельскую ясно указывает на сношение Носовича с неприятелем во время нахождения его в штабе фронта. Командарм 10, Ворошилов, член Реввоенсовета 10 Валерий Межлаук» [9, л. 41]. И.И. Вацетис в своих воспоминаниях позднее отмечал, что Носович сообщил противнику сведения о подготовке юбилейного наступления советского Южного фронта к годовщине революции, передал казакам директиву фронту и план операции [10, л. 871–872].

Измена Носовича обеспокоила даже В.И. Ленина, который 7 ноября телеграфировал Л.Д. Троцкому: «Я крайне обеспокоен бегством Носовича и считаю ответ Вацетиса неосновательным и оптимистичным.

Сообщите Ваше мнение и Ваши меры, а также положение дел в Астрахани. Можем ли мы победить англичан на Каспии и скоро ли?» [11, с. 255].

Член РВС Южного фронта К.А. Мехоношин общал в РВСР в связи с изменой Носовича: «Предлагаю расстрелять из числа заложников в Москве или Петрограде десять наиболее видных офицеров. Командированный с Носовичем комиссар т. Бутенко, вероятно, погиб. Расследование производится» [12, л. 280].

И если А.Е. Снесарев счастливо избежал преследований, то судьба соратника Носовича, бывшего Генштаба полковника А.Н. Ковалевского оказалась трагичной. 10 ноября он был арестован якобы «за передачу белогвардейцам сведений военного характера и имевший большое сношение с руководителями белой гвардии (так в документе. – А.Г.)» [13, л. 2]. Искренней преданностью Советской власти проникнута телеграмма Ковалевского начальству, составленная в день ареста: «Борисоглебск. 10.11.[19]18. Сегодня в связи с подлой изменой Носовича арестован. [В] июне я из Украины вывез [в] Советскую Россию свою жену и четырех малолетних детей, почему, принимая самое активное участие [в] подавлении контрреволюционного мятежа южного казачества, я тем самым прочно связал свою судьбу с судьбой Советской России, которой изменить уж по одному этому не в состоянии с самого дня октябрьской революции, к которой отнесся как к решению огромного большинства русского народа и как русский беспрекословно

подчинился и ни одного дня не саботировал советской власти, то совесть моя совершенно спокойна, почему и прошу вашего заступничества, твердо веря, что советская власть сумеет защитить невинных против нее людей. Прошу ответить. Генерального штаба Ковалевский» [14, л. 17–17а]. На следующий день Ковалевский, временно исполнявший должность начальника штаба Южного фронта, ходатайствовал перед командующим фронтом П.П. Сытиным о перемещении его в штаб Западного района, поскольку из-за измены Носовича служить в штабе Южного фронта ему представлялось неудобным, причем отмечал, что «[в] виду вероятных осложнений [с] Германией [ходатайство] несомненно теперь будет уважено» [14, л. 40]. Тем не менее просьбы и заверения не помогли, и Ковалевский был расстрелян.

Позднее Носович указывал на Ковалевского как на убежденного антибольшевика, который был посвящен в его планы (причем далеко не сразу), но не выдал его [15, с. 63–64]. Остается открытым вопрос о том, принимал ли Ковалевский участие в подрывной работе или же только не доносил о таковой деятельности Носовича. К сожалению, установить это затруднительно. Хорошо знавший обоих А.Е. Снесарев в своем дневнике записал, что бегством к противнику Носович фактически убил Ковалевского. Носович «утек самым наглым образом, забрав секр[етные] бумаги, в автомобиле... Что это, желание услужиться перед своими будущими владыками? Можно иметь те или иные убеждения, но не переходить границы джентльменства! А Ал[ександр] Ник[олаевич] (Ковалевский. – А.Г.) был судим, оправдан, а в ночь его потянули – и расстреляли... Что теперь будет с Мулей (супругой Ковалевского. – А.Г.), с бедными детишками... И уже с этой стороны Анат[олий] Леон[идович] (Носович. – А.Г.) не прав: он убил Алек[сандра] Никол[аевича], – отметил в этой связи Снесарев [16, с. 43]. В другой дневниковой записи Снесарев отмечал: «Носович с адъют[антом], захватив шифр⁸, перешел границу и вступил в командование белогвард[ейским] отрядом... Результат ясен: пострадали многие на Юж[ном] фронте и недоверие к команд[ному] составу, немного улегшееся, вновь обострилось» [17, с. 116].

Разумеется, побег Носовича был незамедлительно использован «военной оппозицией» в качестве аргумента против курса председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого на привлечение в РККА бывших офицеров. Впрочем, общего курса частный случай не переменял.

К.Е. Ворошилов на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. процитировал статью А. Черноморцева (А.Л. Носовича) из журнала «Донская волна»⁹, после чего изложил обстоятельства реально выявленного заговора организации инженера Н.П. Алексева, связь которого с Носовичем и его группой тогда установлена не была, а также упомянул о летнем аресте военспецов из штаба Северо-Кавказского округа. Все эти факты в выступлении Ворошилова были смешаны с упоминанием последующей измены Носовича. Ворошилов жаловался: «Когда я дал [со-

общение] в центр и потребовал немедленного ареста Ковалевского и трех лиц, то это было сделано после долгих хлопот. И Ковалевский, компаньон Носовича, был расстрелян, что вызвало неудовольствие некоторых высокостоящих товарищей. А потом выяснилось, что у Ковалевского была довольно правильно организованная компания, которая систематически передавала все, что знала. При таких условиях неуспехи и все те поражения нашей армии понятны» [19, с. 160]. В своей речи Ворошилов намекнул на А.Е. Снесарева, как на еще одного участника группы Носовича, находившегося не только на свободе, но и на ответственном посту в РККА (прямо назвать Снесарева он не решился). В результате «военной оппозиции» по данному вопросу удалось убедить в своей правоте даже В.И. Ленина, высоко оценившего их репрессивные действия в речи на съезде и признавшего собственную неправоту в стремлении ограничить царицынские репрессии летом 1918 г.

Помимо репрессивных мер были осуществлены и кадровые перестановки. Так, командующий советским Южным фронтом бывший генерал П.П. Сытин в соответствии с предписанием РВС фронта от 13 ноября 1918 г. отзывался в Москву в распоряжение председателя Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкого [20, л. 40]. Однако в тот же день Сытин был арестован членом РВС Южного фронта Б.В. Лерграном и посажен под домашний арест «в связи со сбивчивыми показаниями и объяснениями Сытина по поводу командированных им лиц без ведома и согласия членов Ревсовета и самовольной отправки в Тамбов ворона (почтового. – А.Г.) с невыясненным грузом» [21, л. 10]. Сытин не успел сдать должность своему преемнику П.А. Славену и просил защиты у главкома И.И. Вацетиса. Не позднее декабря 1918 г. он был освобожден (о взаимосвязи измены Носовича и ареста Сытина см. в автобиографии последнего [22, с. 57]).

Белые же встретили Носовича недоброжелательно. Попытки Носовича заступиться за пленного комиссара Бутенко, которому перебежчик обещал сохранить жизнь, вызывали дополнительные подозрения. Белые, судя по всему, казнили комиссара. Носович же некоторое время провел под арестом, будучи посажен на гауптвахту на 30 дней, «как раз на тот срок, когда все мои сведения естественным образом превратились в ничто» [23, с. 51]. 30 октября (12 ноября) 1918 г. был судим гарнизонным военно-полевым судом в Новочеркасске, но оправдан. Однако на этом расследование не завершилось. Дело Носовича было рассмотрено судебно-следственной комиссией при штабе Верховного главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) 6 (19) февраля 1919 г. Сама итоговая формулировка реабилитирующего приказа главнокомандующего ВСЮР № 490 от 17 (30) марта 1919 г. была оскорбительна для белого агента. Отмечалось, что в Красную армию на должность начальника штаба Северо-Кавказского военного округа Носович поступил «с намерением принести возможно больше вреда большевикам, состоя в этой должности. С этой целью,

прибыв в Царицын в июне 1918 года, генерал-майор Носович завязал сношения с представителями французского командования и представителями офицерской организации, подготовлявшей восстание в Царицыне. С этой же целью генерал-майор Носович отдавал распоряжения по части оперативной, артиллерийской и интендантской снабжений явно саботажного характера, а также старался ссорить между собой различных представителей высшего командования советских войск. Будучи затем назначен помощником главнокомандующего Южным фронтом, генерал-майор Носович 11 октября бежал от большевиков и добровольно сдался донским казакам» [24, л. 276–276 об.]. Дополнительно собранные материалы подтвердили его показания. В приказе резюмировалось, что «ни политические убеждения генерал-майора Носовича, ни его поступки за время состояния на службе у советских властей не возбуждают подозрения в сочувствии большевистским идеям и не дают основания считать его в каком-либо отношении вредным или опасным для Добровольческой армии» [24, л. 276 об.]. Белый разведчик не получил ни награды, ни благодарности.

Впоследствии в расширенной версии мемуаров Носович отмечал, что «был далек от “квинтэссенции кретинизма”, который меня ожидал» [25, с. 4] у белых. По свидетельству его полкового товарища Б.А. Энгельгардта, Носович позднее заявил: «Довольно с меня, к черту белых, красных... эмигрирую» [7, с. 217]. В реакции на измену Носовича проявились отличительные черты противоборствующих лагерей Гражданской войны, предопределившие исход конфликта. У красных инцидент, несмотря на временный накал страстей и споры о военной политике, смогли оценить адекватно в духе того, что отдельные измены не отменяют лояльной службы десятков тысяч военспецов. Белые же с недоверием восприняли появление даже резко антибольшевистски настроенного высокопоставленного перебежчика и своего разведчика в красном лагере, не воспользовались его сведениями и опытом в разгар операций на участке Бобров – Лиски, ввиду соперничества казацки начальники не горели желанием переправлять в Добровольческую армию и поступившие разведданные, а сосредоточились на разбирательстве того, кому достанется угнанный Носовичем автомобиль.

Примечания

- ¹ Рытиков Григорий Степанович (26.01.1880–21.02.1940) – полковник, в.и.д. командующего войсками Северо-Западного района Донской армии.
- ² Здесь и далее подчеркнута мемуаристом.
- ³ В расширенной редакции воспоминаний Носович, наоборот, отмечает, что шофер автомобиля, на котором они ехали, оказался знакомым еще по Первой мировой войне [5, гл. 5, с. 121].
- ⁴ Вычеркнуто: к счастью для него.
- ⁵ В расширенной редакции воспоминаний – «Парабеллум». Кроме того, в автомобиле была еще и винтовка [5, гл. 6, с. 124].
- ⁶ Начальник штаба Донской армии.
- ⁷ Командующий Северным фронтом Донской армии.
- ⁸ В дневнике ошибочно: шрифт.
- ⁹ Ворошилов цитировал Носовича и в дальнейшем. Впоследствии Троцкий не преминул поиронизировать о том, что К.Е. Ворошилов практически с восторгом воспроизводил высказывания белогвардейца-перебежчика Носовича, писавшего об игнорировании Сталиным приказов Троцкого [18, с. 202–203].

Литература и источники

1. Гражданская война в СССР. М.: Воениздат, 1980. Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). 368 с.
2. Шехаев Б. Боевая жизнь 16 стрелковой Ульяновской имени Киквидзе дивизии. М.; Л.: Государственное военное издательство, 1926. 108 с.
3. Великанов Н.Т. Ворошилов. М.: Молодая гвардия, 2017. 510 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16.
5. Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3.
6. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов.
7. Энгельгардт Б.А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига: Даугава, 2004. Т. 8. С. 7–396.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 92.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14.
10. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1.
11. В.И. Ленин. Известные документы. 1891–1922 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 672 с.
12. РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 17.
13. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88.
14. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910.
15. «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5. С. 61–67.
16. Снесарев А.Е. «Вся Россия – больна...». Из дневника 1918–1919 годов / публ. Е.А. Снесаревой и А.В. Воронцова // Московский журнал. 1996. № 8. С. 37–48.
17. Ганин А.В. Смоленский дневник Снесарева // Родина. 2013. № 9. С. 115–119.
18. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации. Берлин: Гранит, 1932. 334 с.

19. Известия ЦК КПСС. 1989. № 11 (298). 224 с.
20. РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 253.
21. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 894.
22. Жизненный путь командующего войсками Южного фронта П.П. Сытина / публ. И.В. Успенского // Отечественные архивы. 1998. № 1. С. 54–61.
23. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7.
24. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129.
25. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (4). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 4. Гл. 1.

References

1. *Grazhdanskaya vojna v SSSR* [The civil war in the USSR]. Moscow: Voenizdat, 1980, vol. 1. *Podavlenie vnutrennej kontrrevolyucii. Sryv otkrytoj intervencii mezhdunarodnogo imperializma (oktyabr' 1917 g. – mart 1919 g.)* [The suppression of internal counter-revolution. The failure of the open intervention of international imperialism (October 1917 – March, 1919)], 368 p.
2. Shekhaev B. *Boevaya zhizn' 16 strelkovoju Ul'yanovskoj imeni Kikvidze divizii* [Combat life of the 16th rifle Ulyanovsk Kikvidze division]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo, 1926, 108 p.
3. Velikanov N.T. Voroshilov. Moscow: Molodaya gvardiya, 2017, 510 p.
4. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6559. Op. 1. D. 1b.
5. *Biblioteka sovremennoj mezhdunarodnoj dokumentacii (Nanter, Franciya)*. Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC) [The Library of Modern International Documentation]. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (3). Nosovich A.L. *Shest' mesyacev sredi vragov Rossii* [Six months among the enemies of Russia]. Book 3. Part 3.
6. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (2) (1). Nosovich A.L. *Shest' mesyacev sredi vragov* [Six months among the enemies].
7. Ehngel'gardt B.A. *Revoljucija i kontrrevolyucija* [Revolution and Counterrevolution]. *Baltijskij arhiv. Russkaya kul'tura v Pribaltike* [The Baltic Archives. Russian culture in the Baltic States]. Riga: Daugava, 2004, vol. 8, pp. 7–396.
8. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archives]. F. 3. Op. 1. D. 92.
9. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian State Social-Political History Archives]. F. 17. Op. 109. D. 14.
10. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archives]. F. 39348. Op. 1. D. 1.
11. *V.I. Lenin. Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 gg.* [V.I. Lenin. Unknown documents. 1891–1922]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 1999. 672 p.
12. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archives]. F. 37618. Op. 1. D. 17.
13. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archives]. F. 33987. Op. 1. D. 88.
14. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archives]. F. 6. Op. 4. D. 910.
15. «Vredit' bol'shevizmu vsemi vozmozhnymi sposobami». *Belyj agent v Krasnoj armii* [“To hurt Bolshevism in all ways possible”. White agent in the Red army]. Istochnik, 1999, no. 5, pp. 61–67.
16. Snesarev A.E. «Vsyja Rossiya – bol'na...». *Iz dnevnika 1918–1919 godov* [“All Russia is ill...”. From the diary of 1918–1919]. Publ. by E.A. Snesareva and A.V. Voroncov. *Moskovskij zhurnal* [Moscow Magazine], 1996, no. 8, pp. 37–48.
17. Ganin A.V. *Smolenskij dnevnik Snesareva* [A.E. Snesarev's Smolensk diary]. *Rodina*, 2013, no. 9, pp. 115–119.
18. Trockij L. *Stalinskaja shkola fal'sifikacii* [Stalin's school of falsification]. Berlin: Granit, 1932, 334 p.
19. *Izvestiya CK KPSS* [Izvestia of the Central Committee of the CPSU], 1989, no. 11 (298), 224 p.
20. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archives]. F. 1. Op. 1. D. 253.
21. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archives]. F. 6. Op. 4. D. 894.
22. *Zhiznennyj put' komanduyushchego vojskami Yuzhnogo fronta P.P. Sytina* [The way of life of the commander of the Southern front P.P. Sytin]. Publ. by I.V. Uspenskii. *Otechestvennye arhivy*, 1998, no. 1, pp. 54–61.
23. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (1). Nosovich A.L. *Shest' mesyacev sredi vragov Rossii* [Six months among the enemies of Russia]. Book 3. Part 1. Ch. 7.
24. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archives]. F. 39540. Op. 1. D. 129.
25. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (4). Nosovich A.L. *Shest' mesyacev sredi vragov Rossii* [Six months among the enemies of Russia]. Book 3. Part 4. Ch. 1.